

Заява в київську Надзвичайну Державну комісію з встановлення і розслідування злочинів німецько-фашистських загарбників та їхніх спільників колишнього ув'язненого Сирецького концтабору, учасника спалення трупів у Бабиному Яру І. Бродського ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3. спр.243-б, арк. 29-31

29

Сирецької комісії по розслідуванню
злочинів, діявши во время окупации
Киевом Г. Кисель.

от. Бродского. Исака Лайсевича.
проп. 4-й Дачной 8-й кв 50.

Заявление.

После того когда я попал в концентрационный лагерь, то было в 1941 году в сентябре месяце, меня немцы задержали на ст. Береза и давали охранять отсюда 4 км я, но когда немцы установили что я еврей меня хотели были расстрелять, но мне немцы дали отсрочку. Выходили два пуга по мосту неподалеку, меня так же позвали к Вешняке и хотели повесить, но стали от них бежать и погнались к поезде, где еще были немцы то мне дали место в поезде. Когда мы ехали поездом то на одной остановке оказался поезд бас, меня немцы заставили сидеть и играть им, когда я играл вокруг меня собралось 12 немцев. Кричали тогда казнить, после того когда я отыграл, меня заставили что-бы я выстроил всех немцев которые там работали, я командовал все немцы выстроились а на меня напали немцы, веревку через голову и я маршировала вдаль стояла. После все изданные ас отправки в лагерь где было 80-и человек, это было на территории Барчапове. Разрешено, здесь я отыграла на расстрел. Вреш, но меня удалось здесь провести. Стали отыгрывать парнишки. Трудно. Я совершила 8-й стан. документ.

и наши друзья по ссудам, так как
 было негде пережить, где я был
 задержан в ссуде. Друзья
 и работы мои убожеством, чистотой
 коммунистическим сном и так же всем
 коммунистическим, были неважно, но мы так же
 ждали оуду ссуды ковы, и приехали
 в Т. Киев 11. 11. Свидетельство зная его
 как коммуниста он мне помог а именно
 взял квартиру по 4ой дачной 83 и я
 стал жить, и тут же скрывался но
 когда 17 января 1943. я ушел по улице
 моя одна траншея по фамилии Шмидт
 пришла в руки коммунист, оуду моя
 передал в ссуду, где меня издевали
 и мучили. Но так я введи организацию
 так как я иврей и нем в. Киев, и
 мучили я много слышу с по коммунист
 организации, но все зверские допросы
 и так отравили в ссуду. Когда
 в ввремя пребывания в ссуде
 коммунист, были массовые и однокласс
 астрель арестованы, за то что
 совершил побег с лагеря, а тех кого
 обвинили что совершил побег и
 всеми, это я видел своим глазами,
 так же заставляли стоять изги
 верхушку дерева, а затем это дерево
 мучили и человек падал убиваясь либо
 являлся немкой, где похоронили ссуды
 и бригады лагеря и добывали, одних
 выходящих бригад это Владимир
 трав которого я задержан в Т. Киев
 1. 1. 1943. После
 снах моих
 отправа
 чнов до
 2. нас в коммунист
 падали. Др не
 от коммуниста

31

Многие которые были и работали в Баденом
Гру были все закопаны в землях, 18
в специальных складах, были работа
в Гру саживали мёртвых людей
в штабеля на специальной подготовленной
печи, обшивали кершом, а затем
поднимали и люди стояли до потолка.
где мы этот печ прошивали на
специальной решётке и находили
мёртвые лица где мы их забирали,
помню что за время моей работы
по счётам трунов в Баденом Гру
было сожжено 70 тысяч трунов,
мы также проводили выкапывание мёртвых
которые имелись распрямляли, все эти
мёртвые были собраны и во всех руках
были связаны. Назад мы все
на то и нас ждёт такой ужас
то и нам придётся пойти на
копёр, мы вновь на 29 сентября 1943г.
вернулись подогрелись в землянке
а затем открыли землянку и стали
выходить, но нас задержали охранники
там, где много товарищей погибло,
мы и еще другим товарищам
покашливающимся остаются в живых.
Время того когда я был в
Гру, которой я был закопан я в Баденом
складах которыми нас закопывали и которые
были ~~открыты~~ (или)

З протоколу допиту в НКВД в якості свідка учасника спалення трупів у Бабиному Яру Берлянта С.Б. 16 листопада 1943 р.
ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 277, арк. 1-3

1943 года, ноября 16. Из протокола допроса свидетеля гражд. Берлянта С.Б. о попытках немецко-фашистских палачей скрыть следы своих дьявольских преступлений в "Бабьем Яру" и организация побега заключенных.

В сентябре 1943 года я и еще 8 человек, по национальности евреев, были направлены в "Бабий Яр", где нас в первую очередь заковали в кандалы и, примерно, с 2-3 сентября 1943 года я, совместно с другими, работал на раскопке и сжигании трупов расстрелянных немцами советских граждан и военнопленных и зарытых в земле.

В первое время нас работало человек 320, а потом число менялось. Работали мы по 12-15 часов в сутки. Разрывали ямы, извлекали трупы наверх, над этими ямами ставилась временная железная решетка и "печь", на которую ложились сосновые доски, сверх досок ложили, примерно, по 300 человеческих трупов в один ряд, сверх трупов снова ложились дрова, все это обливалось нефтью и поджигалось. Закладка одной печи составляла, примерно, до 3000 трупов, так как накладывалось трупов по несколько рядов. Таким образом, было сожжено, примерно, тысяч 70 трупов.

После того, как все трупы были вырыты и сожжены гестапо - немцы стали привозить удушенных газом людей, трупов 70-80 в машине и также сжигались.

Все мы 180 чел. работали закованные в железных цепях. Кормили нас: в 6 часов утра ежедневно нам

давали по литру несладкого, без хлеба, кофе, в обед литр супу без хлеба и в ужин - литр кофе, по 200 граммов хлеба, в большинстве случаев просяного. Люди буквально обессиливали и работать не могли. Таких людей жандармы избивали палками, прикладами винтовок и другими предметами и под видом отправки их в концлагерь - расстреливали и сжигали в этих же печах.

Помещались мы в небольшой землянке 180 чел., воздуху никак не хватало, было сильно душно, люди болели, но сказать об этом было нельзя, так как за это могли сжечь на костре.

Видя, что делать нам уже нечего, мы сделали для себя вывод, что нас ожидает смерть на вновь нами сделанной печи из колод, мы стали готовиться к побегу.

Инициатором побега был бывший сотрудник НКВД Яша, фамилии я его не знаю, и другие товарищи. Яша достал где-то ключ к двери-решетке и мы готовились всю ночь на 29-е сентября 1943 года, многие друг друга расковали и в четыре часа утра отомкнули дверь и с криком "ура", "вперед", стали один за другим выбегать из землянки. Жандармерия открыла по нас из автоматов огонь и начала освещать ракетами местность и многих постреляла.

Мне, Дубинину Давиду, Островскому Леониду, Давыдову Владимиру и другим товарищам удалось убежать. После того я скрывался на кирпичном заводе по Селецкой

улице г.Киева до вступления частей Красной Армии в г.Киев.

Кроме всего этого, необходимо отметить тот факт, что пепел сгоревших трупов толкли, просеивали, находили золотые и другие ценности, которые забирали немцы. После этого они зарывались.

АЧГК, ф.Киевская область,
дело № 6, листы 1-2.

Из заявления под присягой от 25.10.1945 г. в Дахау бывшего обервахтмейстера охранной полиции Герхарда Адамеца о сжигании трупов в Бабьем Яру ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 256, лл. 270–283. Документ опубликован в: *Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Ред. К. П. Горшенин и др. Том 1. – Москва, 1954. – С. 641–645.*

Приблизительно 5 сентября 1943 г. мы, 40 служащих охранной полиции из отряда 1005б, покинули Днепропетровск и были направлены в Киев. Киев является столицей Украины. Нас поместили на несколько дней в казармах киевской охранной полиции. Приблизительно 10 сентября нам было объявлено, что мы должны направиться для подкрепления группы, которая несла службу вблизи Киева, однако нам при этом не было сказано, какую мы будем выполнять службу. Эта группа, как мы узнали позднее, обозначалась номером 1005а. В тот же самый день из отряда 1005б пришел приказ, чтобы нас погрузить на грузовики и отвезти на старое кладбище, расположенное приблизительно в 5 км от Киева. Наш лейтенант Винтер приказал нам сойти с грузовиков, и на кладбище нас построили по 3 человека. Насколько я помню, ни один из людей службы безопасности не присутствовал на месте. Наш лейтенант Винтер доложил о нашей колонне обер-лейтенанту Ханишу, командиру взвода охранной полиции отряда 1005а. На этом месте пахло трупным запахом, который одурманивал нас, мы закрывали носы и придерживали дыхание. Обер-лейтенант Ханиш обратился к нам с речью, из которой я помню следующие отрывки: «Вы прибыли на то место, где вы должны нести службу и поддерживать своих товарищей. Вы уже чувствуете запах, который исходит из кухни, находящейся позади нас.

Мы все должны привыкнуть к этому, и вы все должны исполнять свои обязанности. Нужно будет охранять заключенных, и очень тщательно.

Все, что здесь происходит, – это секретное дело империи. Каждый из вас отвечает своей головой, если у него убежит заключенный. И помимо этого данный человек будет подвергнут особому обращению. То же самое ожидает того, кто что-либо выболтает или не будет достаточно осторожен в переписке. Каждый приказ, который будет дан, должен беспрекословно выполняться».

После этой речи обер-лейтенанта Ханиша нас вывели для того, чтобы познакомить с местом, где мы должны были нести службу. Нас вывели с кладбища и привели к прилегающему полю. Дорога, которая шла через это поле, была с обеих сторон оцеплена полицейскими, которые отгоняли всех приближающихся лиц. На поле мы увидели около 100 человек заключенных, отдыхающих от работы. Ноги каждого заключенного были закованы в цепи, приблизительно 3,5 м длиной. Заключенные были одеты в гражданскую одежду. Насколько я мог судить, заключенные были евреями. Я не мог установить их национальность или другие какие-либо подробности. Я не мог

сделать этого и позднее, так как служба безопасности строго запрещала разговаривать с ними или даже приближаться к ним.

Работа заключенных состояла в том, как мы узнали впоследствии, чтобы выкапывать трупы, которые были зарыты здесь в двух массовых могилах, переносить их, складывать в две огромные груды и сжигать.

Трудно установить, однако я предполагаю, что на этом месте было погребено от 40 до 45 тысяч трупов. В одном противотанковом рву была устроена могила, которая частично была заполнена трупами. Этот ров

был длиной 100 м, 10 м шириной и глубиной 4–5 метров. Вторая массовая могила находилась по другую сторону дороги, приблизительно в 200 м от противотанкового рва. Во второй массовой могиле находи-

лось около 15 тысяч трупов. Здесь были трупы и большие и маленькие. Можно предполагать, что это были мужчины, женщины и дети. Я никогда не мог узнать, от чего умерли эти люди или каким образом они были убиты. Я думаю, это были евреи, гражданские лица. Однако нельзя было точно установить, так как трупы сильно разложились. От одежды ничего не осталось. Трупы были погребены, по-видимому, более года тому назад, и от них ничего не осталось, кроме скелетов. Я только один раз взглянул на эти трупы и позднее никогда не делал этого, так как от трупного запаха мне делалось плохо, и на многие месяцы я потерял аппетит.

В тот день, когда мы прибыли на это место (около 10 сентября 1943 г.), на поле было 3–4 небольшие груды трупов. Каждая такая груда состояла приблизительно из 700 трупов, была около 7 м длиной, 4 м шириной и 2 м высотой. В самом противотанковом рву, который частично был уже очищен, находились три больших кучи трупов, каждая по 2 000 человек. Около 8 м длиной, 3 м высотой, 8 м шириной. Позже нам было сказано, что эта работа (выкапывание и сожжение трупов) уже была начата приблизительно за месяц до прибытия отряда 1005-б. Как здесь, так и в других местах я наблюдал следующий метод работы (сожжение трупов), который применялся: посредством железных крючков трупы стаскивались в определенное место, а затем складывались на деревянный настил. Затем вся груда трупов обкладывалась дровами, обливалась нефтью и бензином и поджигалась.

Нас, полицейских из отряда 1005б, потом повели обратно на кладбище в кухню. Однако никто из нас не мог есть из-за жуткого запаха и из-за воспоминаний о виденном. Потом нам было сказано, что мы должны помогать полицейским из отряда 1005а, который состоял из 40 полицейских и из 6–8 человек службы безопасности, чтобы организовать внутреннюю и внешнюю цепь постов. Служба полицейских заключалась в том, чтобы нести охрану, в то время как чиновники службы безопасности следили за работой заключенных (выкапывание, складывание и сожжение трупов). Внутренняя цепь

постов следила за тем, чтобы ни один заключенный не смог убежать. Эта цепь образовывала большой круг, приблизительно в 100 м от места, где работали заключенные. Внешняя цепь следила за тем, чтобы не подходили близко некомпетентные люди (гражданские или военные).

В своей речи приблизительно 10 сентября 1943 г. обер-лейтенант Ханиш заявил, что все, что здесь происходит, и все, что мы увидели, является секретным делом империи и в том случае, если мы выболтаем об этом каким-либо образом третьему лицу, то мы сами и наши семьи, а также и соучастники будут подвергнуты особому обращению и устранены. В этот или на следующий день (11 сент. 1943 г.) нам было приказано подписать бумагу, которая называлась «секретное дело империи»,

где речь шла о вышеуказанном.

Работа по выкапыванию и сожжению в Киеве шла по такому же методу, как я описал раньше, и продолжалась до 1.10.43. Оберштурмфюрер Бауман из группы «а» бывал там не менее одного

раза в день, а Кауфф из группы «б» нес там службу постоянно. Из людей, служивших в службе безопасности в Киеве, насколько я помню, были Лёве и Херрман. Фидлер и Крейчевски остались в Днепропетровске у гауптштурмфюрера Цитлова. Насколько я знал, Цитлов давал приказы

командиру взвода группы 1005б лейтенанту Винтеру, в то время как оберштурмфюрер Бауман отдавал приказы командиру взвода группы 1005а обер-лейтенанту Ханишу. Во время киевского периода группа «б» подчинялась оберштурмфюреру Бауману. Позднее мы подчинялись

до Львова снова гауптштурмфюреру Цитлову. Во Львове мы были подчинены гауптштурмфюреру Хельфсготту. Цитлов, Хельфсготт и Бауман получали приказы, насколько я знаю, от штандартенфюрера Блобеля. Штандартенфюрер Блобель инспектировал эту работу один раз в Киеве приблизительно 20 сентября 1943 г., я его видел там один раз, он, возможно, навестил оберштурмфюрера Баумана, квартира которого находилась над кухней. Лёве и Херрман несли автослужбу, во всяком случае, я не видел, чтобы они наблюдали за работой. Горы трупов только тогда сжигались, когда одна гора или больше были готовы, покрывались дровами и обливались нефтью и бензином. Заключенные получали обильную и до некоторой степени хорошую пищу, и я видел однажды, как они получали во время работы водку. Они работали с 7 часов до 18 часов и имели 1–2 часа обеденного перерыва. Заключенные в Киеве и в других местах, где мы должны были стоять на постах [в качестве] охранной полиции, были разбиты службой безопасности на рабочие группы в 30 человек, за которыми наблюдал надзиратель, который сам являлся заключенным. Вся работа находилась под наблюдением сотрудников СД. В Киеве на этой работе вначале было занято 100 человек заключенных, но позднее это число увеличилось примерно до 330 человек. Заключенные жили в деревянных бараках, которые наполовину уходили в землю и снаружи были покрыты песком; находились они примерно в 100 м от массовой могилы в противотанковом рву. Мы, полицейские, жили в двух деревянных бараках на другой стороне дороги в 2 км от этого места. Мы, полицейские, несли эту службу против своей воли, но мы должны были выполнять приказы, иначе мы могли бы подвергнуться наказанию. Мы даже долго обсуждали вопрос, что, возможно, среди нас находится неузнанный сотрудник СД. Мне самому казалось, что я являюсь рабом времен средневековья, мы, полицейские охранной полиции, работали в страхе.

Примерно 29 сент. 1943 г. в 4.15 во время сильного тумана убежало человек 30 заключенных. Они сорвали свои ножные цепи, с ревом вырвались из своих барачных и разбежались в разных направлениях.

Человек 6 было убито, остальным удалось уйти из-за сильного тумана.

Во время наших безуспешных поисков пришел оберштурмфюрер Бауман и сказал нам после нашего возвращения: «Вы знаете, что то, что здесь происходит, является секретным делом империи и что, если убежит кто-либо из заключенных, вы будете отвечать за это своей жизнью и вы также тогда будете брошены на одну из этих куч». Мы оправдывались тем, что виновато СД, которое недостаточно хорошо охраняло землянки. СД было ответственно за побег заключенных. Бауман нам сказал: «Вы можете выбрать себе место на куче», но в этот день ничего не случилось. Мы были тотчас же допрошены и через два дня нам сказали, что 14 полицейских (которые в ту ночь дежурили) и обер-лейтенант Ханиш, который отвечал за оба взвода охранной полиции, должны быть подвергнуты особому обращению. Нас посадили в одиночные камеры предварительного заключения в тюрьме СД в Киеве. Мы, 14 полицейских, а также обер-лейтенант Ханиш оставались там в одиночных камерах предварительного заключения около 10 дней, с 1 октября 1943 г. до приблизительно 10 окт. 1943 г. Я запомнил эту дату, так как 1 октября является моим днем рождения. Еда наша состояла из картофельной шелухи и хлеба, причем каждый день одно и то же. Только из сотрудников СД никто не был заключен. Мой друг Франц Матиссек сказал мне, что в то время, когда нас посадили, оберштурмфюрер Бауман обратился с речью к группам 1005а и 1005б, в которой он заявил, что он имеет полное право расстреливать любого из нас, а также и вообще тех, кто отказывается нести положенную службу.

Спустя 10 дней мы были вместе с 12 товарищами и обер-лейтенантом Ханишем выпущены (верхушка взвода охранной полиции группы «а» осталась в заключении). Нам сказали, что мы должны нести службу и дальше, имея дисциплинарное взыскание [...]

Повідомлення Надзвичайної Державної Комісії про зруйнування та знущення, вчинені нацистськими окупантами в м. Києві та в Бабиному Яру. 29 лютого 1944 р. ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 280, арк. 1-8

1944 г. ФЕВРАЛЯ 29. - ИЗ СООБЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗВЕРСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОР. КИЕВЕ.

МАССОВОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ МИРНЫХ ГРАЖДАН И СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ.

Немецкие палачи с первых же дней захвата Киева проводили массовое потребление населения путем истязаний, расстрелов, повешения, отравления газом в "душегубнях". Людей хватали прямо на улицах, расстреливали большими группами и в одиночку. Для устрашения населения вывешивали об"явления о расстрелах: " В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостережением. Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа. Киев, 22.X-1941 года. Комендант города". Или: "Участвовавшие в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам. Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева. Киев, 2 ноября 1941 года. Эбергардт, генерал-майор и комендант города".

Фашисты массами убивали мужчин, женщин, детей, стариков и больных. Так, 14 октября 1941 года в психиатрическую больницу во главе с немецким гарнизонным врачом Риковским ворвался отряд эсэсовцев. Гитлеровцы загнали 300 больных в одно из зданий, в котором продержали их без пищи и воды несколько дней, а затем расстреляли в

овраге Кирилловской рощи. Остальные больные были истреблены 7 января, 27 марта и 17 октября 1942 года.

Вот что сообщили об этой кровавой расправе профессор Е. А. Копытиский, врачи А. Г. Дзевальтовская, Т. К. Пенская, И. М. Фарбер, А. И. Евстафьева и медсестра Е. Ф. Троепольская: " В больницу прибыли автомашины. В эти машины " душегубки" начали вталкивать больных, приблизительно по 60-70 человек в каждую, тут же их умерщвляли и трупы выбрасывались у здания больницы. Зверства эти продолжались несколько дней, в течение которых было уничтожено 800 больных". Организаторами этих убийств были: немецкий руководитель здравоохранения при генеральном комиссариате- Гросскопф и врач военного лазарета- Вольм.

Убийствам часто предшествовали садистские потязания. Архимандрит Валерий сообщил, что фашисты до смерти избивали больных и слабых людей, поливали их на морозе водой и, наконец, пристреливали в немецком полицейском застенке, находившимся в Киево-Печерской лавре.

Убивали мирных граждан якобы за принадлежность в советско-партийному активу, за связь с партизанами, убивали и без всяких мотивов.

Зверствовали немецкие бандисты и в Дарницком и в Опретком лагерях. Мирных советских граждан и военнопленных заставляли выполнять тяжелые изнурительные работы, подвергали неслыханным издевательствам и убивали. В Опретком лагере орудовал пьяница, садиот штурмбанфюрер Радомский и его помощник Ридер.

Радомский и Ридер всячески ухищрялись в потреблении советских людей. Они, например, "изобрели" следующий способ убийства: одних советских людей заставляли влезать на дерево, а других подпиливать его. Люди падали вместе с деревом и разбивались. Или: Радомский собирал всех заключенных, проходил по строю, отбирал человек 25, выводил их из строя и тут же расстреливал.

Гитлеровские бандиты сожгли 29 сентября 1941 года на угол улицы Мельника и Доктеревской тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли. Проживавшие вблизи Бабьего Яра граждане Н.Ф.Петренко и Н.Т.Горбачева рассказывали о том, что они видели, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с убитыми и ранеными родителями. "Было заметно, как слой земли неведился от движения еще живых людей".

В 1943 году, чувствуя непрочность своего положения в Киеве, оккупанты, стремясь скрыть следы своих преступлений, раскапывали могилы своих жертв и сжигали их. Для работ по сжиганию трупов в Бабьем Яру немцы направляли заключенных из Сырецкого лагеря. Руководителями этих работ были офицер СС -Торайде, сотрудники жандармерии Йоганн Мэркель, Фохт и командир взвода СС-Рэвер.

Свидетели Л.К.Островский, С.В.Вернянд, В.Ю.Давидов, Я.А.Стежик, И.М.Вродский, бежавшие от расстрела в Бабьем Яру 29 сентября 1943 года, показали: " В качестве военнопленных мы находились в Сырецком концлагере, на окраи-

не Киева. 18 августа нас в качестве 100 человек направили в Бабий Яр. Там нас заковали в кандалы и заставили вырывать и сжигать трупы советских граждан, уничтоженных немцами. Немцы привезли сюда с кладбища гранитные памятники и железные ограды. Из памятников мы делали широкую площадку, на которую клали рельсы, а на рельсы укладывали как колосники, железные ограды. На железные ограды накладывали слой дров, а на дрова-слой трупов. На трупы снова укладывали слой дров и поливали нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались по несколько рядов и поджигались. В каждой такой печи помещалось до 2500-3000 трупов. Немцы выделили специальные команды людей, которые снимали с трупов серьги, кольца, ювелирные украшения, вытаскивали из челюстей золотые зубы. После того, как все трупы сгорали, закладывались новые печи и т.д. Кости трамбовками разбивались на мелкие части. Пепел заставляли рассевать по Яру, чтобы не оставалось никаких следов. Так мы работали по 12-15 часов в сутки. Для ускорения работы немцы применили экскаватор. За время с 18 августа по день нашего побега - 29 сентября было сожжено, примерно, семьдесят тысяч трупов. Здесь же сжигались и вновь привозимые трупы мужчин, женщин и детей, убитых в газовых автомашинах".

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии, после освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков были произведены раскопки в местах массовых истреблений советских людей в Сирепском лагере, в Бабьем Яру, в Дарнице и других местах. В раскопках приняли участие немецкие военнопленные. После окончания раскопок

немецкие военнопленные подали следующее заявление:

" Нам, 850 немецким военнопленным в лагере военнопленных Киева, советскими властями была предоставлена возможность убедиться в зверствах, совершенных над русским населением во время оккупации Киева немцами. 160 избранных нами доверенных лиц произвели раскопки пяти из многочисленных ям. Только в двух местах нами было обнаружено 160 убитых русских граждан. В других местах мы натолкнулись на бесчисленные остатки сожженных тел, одежды и костей. Мы утверждаем: в Киеве, были произведены массовые убийства, невероятных размеров, русского гражданского населения, жертвы которых доходят до несколько десятков тысяч мужчин, женщин и детей. Кто это делал - известно. Это немецкие оккупационные войска, преимущественно соединений СС, СД и полевой жандармерии". Следуют подписи, среди них: майор-интендант 208 Лау, штабной врач 246 полка-доктор Гелленбрандт, врач-ассистент 3-го батальона 76-го полка-доктор Беккер; военный священник евангелистской церкви 208 Круммахер; лейтенант 208 Виге; лейтенант 215 батальона Гергард и другие.

Специальная Комиссия в составе: председателя Н.С. Хрущева, членов Комиссии: Наркомпроса УССР академика-П. Тычина, Секретаря Совза Советских писателей УССР академика М. Рильского, Кандидата биологических наук Академии Наук УССР - Д. Марковского, с участием медицинских экспертов: профессора Я.И. Пивоварского, Ю.В. Крамаренко, А.М. Зюкова и судебно-медицинского эксперта, профессора

Н. А. Шепелевского, в присутствии представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии В. Д. Шевцова установила, что по неполным данным, в Киеве замучено, расстреляно и отправлено в "душегубках" более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Бабьем Яру свыше 100 тысяч мужчин, женщины, детей и стариков.
2. В Дарнице - свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.
3. В противотанковом рву, у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря - свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.
4. На территории Кирилловской больницы - 800 душевнобольных.
5. На территории Киево-Печерской лавры - около 500 мирных граждан.
6. На Лукьяновском кладбище - 400 мирных граждан.

На основании заявлений советских граждан, протоколов опроса, свидетельских показаний, материалов Специальной Комиссии, заключений Судебно-Медицинской Экспертизы и личным расследованием, произведенным членами Чрезвычайной Государственной Комиссии - Николаем Митрополитом Киевским и Галицким и академиком И. П. Трайниным, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что разрушения в городе Киеве, поголовное ограбление населения, массовые истязания и убийства мирных советских граждан и военнопленных произвели по указаниям германского правительства и верховного командования: рейхскомиссар

Украины Эрих Кох, заместитель рейхскомиссара фон Вёдель-штадт, главнокомандующий армейской группой "Ег" генерал-фельдмаршал фон Манштейн, генерал авиации Китцингер, генерал-лейтенант войск СС Бтнер, генерал-комиссар генеральной области Киева Магунья, руководитель СС и полицейфюрер Гальтерман, генерал полиции порядка Шеер, оберштурмбанифюрер Эрингер, СА бригаден-фюрер Квиттрау, коменданты города Киева — генерал-майор Эбергардт и генерал-майор фон Ремер, генерал-майор Виров, начальник бригады СС генерал-майор Лернер, СС штандартенфюрер Нордман, СС оберфюрер Гофман, генерал полиции Прицман, СС оберштурмбанифюрер Шпацель, командующий войсками СС на юге России и на Украине генерал-майор Тросенфельд, начальник военно-воздушных сил Киевского гарнизона полковник Альтерман, руководитель оборонного участка "О" полковник фон Вессель, командир 304 полицейского батальона майор Векерт, коменданты гарнизона в Даркице капитан Прицковский и обер-лейтенант Кваст, СС штурмбанифюрер Гумперт, штурмбанифюрер Раломский, его помощник Ридер, штатткомиссар Рогауш, начальник бюро набора, доктор Яницкий, руководитель киевского бюро гитлеровской молодежи Брейер, штатткомиссар Берндт, шеф управления архивами, библиотеки и музеями при рейхскомиссариате Украины доктор Винтер, его заместитель доктор Венцинг, начальник исторического музея Штампфусе, врач военного лазарета Бошм, сотрудники штаба Розенберга доктор Розкамф, сотрудник архивного управления доктор Ласке, старший лейтенант

частей ОС Шмиц, военнослужащий частей ОС, доктор Паульсен, руководитель здравоохранения при генерал-комиссарате, доктор Гроссманф, офицер ОС топайде, сотрудники жандармерии Иогани Мэркель, Фохт и Рэвер, интендант Вржкнер, шеф клиники театра Телли, шеф фронтального театра Векерс.

Все они должны понести суровую ответственность за чудовищные злодеяния, совершенные перед советским народом.

29 февраля 1944 г.

Спогади Миколи Панасика

Организація підпільної діяльності Боровської анти-фашистської комсомольсько-партійної молодіжної організації Фастовського району Київської області.

Я состою кандидатом в члени ВКП/б/ з 1940 года в парторганізації пос.Боровая,Фастовського району,роботал старшим радіотехником на пункте техніческого радіоконтроля Московського науково-дослідницького інститута зв'язи.Во время війни я вивіз Укази фашистами из поселка Боровая я не евакуировался по независящим от меня причинам./Приказ Киевского приемо-передающего радицентра радиопункт не оставлять,выполнять работу согласно имеющейся Московской программы до последней возможности в обстановке военных действий/.

С вивізнем німецько-фашистськими військами поселка Боровая 30/У11-41 года до мая 1942 года,я нигде не работал.В этот период времени пользуюсь имеющимся у меня радиоприемником я слушал Москву,указания ЦК партии о неизбежной победе советских войск в войне с немецким фашизмом и эти сведения распространял среди населения п.Боровая и окружающих сел,за что,в конце августа 1941 года был,комендантом куцевой полиции Скрипкой З.М. строго предупрежден.Несмотря на угрозу коменданта,я Москву по радио продолжал слушать где и черпал соответствующие установочные данные,как вести себя,как кандидат в члены ВКП/б/ в глубоком тылу.Конспиративная квартира,где слушали сводки Совинформбюро и собиралась передовая молодежь пос.Боровая была у меня и у гр.Головко В.В.проживающего в этом же поселке.

Радиоприемник был смонтирован мною совместно с Головко В.В. и помещался в сидении мягкого кресла на квартире Головко В.В. /п.Боровая ул.Трубная № 2/.

Как кандидат в члены ВКП/б/,я в жандармерии и в полиции не регистрировался.В связи с угрозой ссылки на каторжные работы в Германию,я в мае месяце 1942 г.поступил на работу в качестве чернорабочего на лесозавод „Укрдрев..“ и „Промдрев..“ при поселке Боровая.Среди рабочих заводов я при посещении ряда сел Фастовского р-на,где нам приходилось бывать по вопросам покупки хлеба продуктов в селах:Кашевка у гр-ни Пономаренко И.,Черноговодка,Мало-Половецкое у гр.Гончар,Козанка,Трилесь,Перезов,Салтановка,Руликов,Оленовка,В.Мотовиловка и пр.,я совместно с тов.Головко В.В.объясняли населению действительную обстановку и положение на фронтах,материалы из передовых статей газеты „Правда..“ и сводки Совинформбюро,которые мы слушали по радио и конспектировали.

За период 1942 г.до апреля 1943 года под моим влиянием и при помощи Головко В.В.организовалась подпольная группа молодежи в большинстве из комсомольцев и коммунистов,которые к концу 1942 года,кроме целей пропаганды и агитации против фашистов,задались целью подготовить партизанский отряд.

Ввиду очень плохого питания огневики-смертники ежедневно кушали трупное жареное человеческое мясо. При приходе к землянкам на ночевку было построение на котором на ломаном русском языке фашист спрашивал-кто сегодня кушал человеческое мясо-наг вперед при. Выходило от 8 до 20 человек. Осмотрев всех была команда стать в строй. В яру стоял смрад разложения человеческих трупов и чад от сжигания трупов. Смертники были полураздетые, босиком, руки и одежда пропитанные трупным разложением, при приеме пищи-балабды, никому не давали воды для мытья рук, руками пропитанными гноем и продуктами разложения трупов брали по 300 грамм просяного хлеба и 0,5 л балабды и тут-же около штабелей трупов принимали пищу. Некоторые товарищи вытирали руки о траву если она была рядом или о песок. После 12 часов работы нас загоняли в землянки выдавая каждому 0,5 л черного кофе и маленький кусочек просяного хлеба. В землянке стоял смрад разложения трупов, ползали миллионы вшей, блох, клопов, которые питались „живыми трупами“. Некоторые товарищи, в том числе и я, спасая ноги от прокола, снимали с трупов нижнюю одежду пропитанную продуктами разложения и обматывали свои ноги. У смертников если обнаруживали раны и нарывы на руках или ногах, немедленно расстреливали и складывали в штабеля и сжигали. Матрацов, одеял, подушек не выдавали, спали-часть на нарах, часть на земле под нарами. Приведшие позже в лагерь смерти занимали свободные места на земле под нарами, полураздетые лежали на земле остывали-коченели руки и ноги и части тела, которые находились на земле. Я и Матвеев лежали под нарами от дверей 2-3 м. Ночью заснуть было очень трудно, так как с нар на свежих поступивших ладей набрасывались клопы, блохи, вши от которых отбиться было невозможно. Засыпали тогда, когда указанные паразиты напившись нашей крови успокаивались. Утром, в 8-00 все смертники стояли перед землянкой на построение колонной по 5 человек. С двух сторон колонны с хвоста и головы производилась проверка кандалов и количество смертников. При обнаружении тертости кандалов-смертник выходил из строя, становился на колени подымал руки вверх и говорил, что он больше в своей жизни никогда делать этого не будет, в этот момент сзади фашист стреляет из пистолета в затылок, смертник падает, четыре человека за руки и ноги уносят и укладывают в штабель для сжигания. Все оставшиеся смертники гремя кандалами уходят на свое рабочее место в яр. Видя ужасы гибели своих товарищей, расстрелы, стоны раненых и душераздирающие крики умирающих советских ладей в душегубках, каторжные работы по откопке и сжиганию советских патриотов, тов. Матвеев М. в трупях напел цыганскую песню и просил чтобы я ударил иголкой в затылок, чтобы наступал конец страданиям и мучениям. Я старался ободрить его надеждой на спасение. Я всегда ему говорил, что умереть ты всегда успеешь, скоро наступит твой день освобождения.

Находясь в первой землянке, я связался с коммунистами, подпольными работниками советских ладей с тов. Ершовым Федором уполномоченным ЦК ВКП/б/ инспектором Васильковской мельницы, Орленком из Рославичи и другими ответственными работниками, которые

Таким образом инструменты и ключи были в наличии, но ключи необходимо было проверить в действии. Это самое трудное и рискованное мероприятие от которого зависело спасение товарищей. Изучая методы вечерней проверки и обысков, выдучу узнав в виде 0,5 л черного кофе, выливая остатки кофе, это и было использовано для проверки ключей в замок, который при открытой двери висел закрытым на проушине. Собралось около 6 человек у дверей в ожидании получения добавки кофе. Когда выдávalа добавка мы создавали видимость драки и в этот момент в дверях образовывалась суматоха, два товарища, которые должны были проверить действие ключей закрыли спяной от охраны замок и в этот момент были опробованы ключи и один подошел, которым открыли замок и опять закрыли. Подбегала охрана, палками загнала товарищей в землянку и закрыла дверь на замок.

Таким образом инструменты для расковыря кандалов и ключ от замка дверей землянки проверен в действии и находился в надежных руках у тов. Ершова.

К 28 сентября 1943 года в основном все работы по стиганию 110.000 трупов мирных жителей г. Киева и окрестностей подходила к концу. Гитлеристы спешили, как можно скорее закончить, замаскировать свои чудовищные преступления перед народами мира, человеческий пепел забрасывали в овраг засыпали землей, облаживали местами дерном, тщательно маскировали. Нам призывали срочно заложить-подготовить открытую печь на 350 человек. Все мы поняли, что пришла очередь и к нам, что эта печь будет жечь нас. Нам удалось узнать, что 29/IX-1943 г. нас должны расстрелять и свезти в печь, которую мы сами подготовили для себя. Немцы округляли работы, собирали разбросанную одежду, датскую обувь и подособым контролем следили, чтобы никаких признаков массового уничтожения нельзя было обнаружить.

Наступила самая тревожная ночь с 28-го на 29 сентября 1943 года. Мы твердо решили бить только ночью 29 сентября 1943 года. Погода нашему побегу благоприятствовала, шел мелкий моросистый дождь, в яру сквозил ветер с дождем. Примерно в час ночи 29/IX-43 г. я первым расковыря своим инструментом уполномоченного НК ЗКП/б/ т. Ершова, после чего расковыря себя, передал инструменты Катасеву, далее Яше, Орленку, Кунде и другие стали готовиться к побегу. Во время расковыря образовался в землянке шум-охрана обратила внимание и часто просматривала прожектором двери и замок землянки и спрашивала старшего землянки почему еще не спят. Он отвечал, что шум в землянке произошел по той причине, что некоторые думали, что в бадоне осталось кофе, которое хотели выпить. Все уладилось и в землянке настала смертельная тишина, звенела только под ногами нога и ножицы расковыря товарищей. Согни глаз впались в часового который стоял на вышке у пулемета. Он держал руку в рукавах шинели и переступал с ноги на ногу. Незаметно просунулась через решетку двери рука, которая открыла ключом замок. Ключ был выдернут из замка, но замок продолжал висеть как будто бы закрыт.

В этот момент услышали шаги часового, который непосредственно охранял двери с замком. Мы замерли на месте — мелькнула мысль, что все провалилось — все фашисты обнаружили. Часовой по своей однообразной привычке направил протектором пучек света на замок — он оказался на месте. Постояв около замка минуту, часовой стал идти по своему старому маршруту от замка к концу землянки.

Я с товарищами подготовились к побегу, выстроились в затылок по 4 человека по ширине открывавшейся двери. Со мной в первом ряду стал Матвеев, Орленко и еще один товарищ фамилии которого не помню. Тов. Ершов Ф. сказал, что я уполномоченный ЦК ВПН/б/ по партизанскому движению на Украине, если кто останется жив, прошу сообщить в ЦК об этом. Доверил мне выводить товарищей из землянки. Замок был сброшен с петель, дверь открылась под напором товарищей и мы ринулись вверх по ступеням на поверхность земли. Я крикнул „под пулемет“, все бросались за мной, примерно через 5-6 секунд я оказался под вышкой пулемета с частью товарищей. Охрана стала стрелять из автоматов и пулемета. Визжалась красная ракета, после красной небо осветили ярко-белые фонари, которые как будто бы висели над местом побега, стало виднее чем днем. После первых 10-15 шагов я оглянулся, все мои товарища лежали на земле и некоторые тяжело раненные кричали о помощи. Через 2-3 минуты я оказался на дне оврага — яры и вдоль яра стал бежать по направлению Днепра. Добежал к ручью через который был перекинут деревянный мост, я по мосту не пошел, а по колени в воде перешел на противоположный берег во двор одного хозяйства. Во дворе стояли немецкие военные машины. Когда я закрывал за собой калитку, оглянулся и увидел машину гестапо, которая остановилась на мосту и повернула пулеметы по направлению к Бабьему Яру, откуда был совершен побег. Пройдя автоматами я вышел на окраину усадьбы и кустарниками побжал к противотанковому рву, который шел в Святошинский лес. Когда я прыгнул в противотанковый ров, там уже был мой товарищ Орленко, жена которого в то время жила в с. Рославичи, Васильковского района. Посоветовавшись с ним, мы решили идти вместе подальше от строений, заметая за собой следы ветками сосны, опасаясь погони и свчарок. Поздье не переставал моросить. Мы выбрали в кустарнике подходящую яму от выкорчеванного пня опустили и легли спина к спине, укрывшись ветками от сосны. Наступал вечер, мы выползли из ямы и направлялись на окраину хутора. В одном из домов немного подкрепились узнали расположение окружающих сел и выбрали кратчайший путь в направлении Болрки ДЗД. Днем мы прятались в кустарнике в оврагах, разбитых дотах, ночью мы продолжали двигаться по намеченному маршруту. В святошинском лесу ночью неожиданно наткнулись на просеку на группу немецких танков, которые стояли вдоль просеки с промежутками 50-60 метров. Мы свернули с просеки, шли вдоль нее в 30-40 метрах, чтобы случайно не натолкнуться на патруль немецких войск.